

МАКСУДОВ

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

CHALIDZE PUBLICATIONS 1989

в Казахстане

по основным районам коллективизации было раскулачено до лета 1930 г. около 444 тысяч человек.

районы РСФСР: Ленинградская, Западная области, Нижегородский край, Крымская и Башкирская АССР, Дальний Восток. По данным о конфискации в этих регионах было раскулачено 47 тыс. человек. Как было показано (табл. 3), данные эти заведомо неполны. Воспользуемся для их корректировки поправкой, найденной для всех остальных районов, — 43%. Получаем оценку числа раскулаченных — 62 тысячи.

Для республик: Белоруссии, Закавказья и Средней Азии возьмем оценку конфискаций без поправки, ориентируясь на данные по Украине. Это дает еще 29.6 тыс. раскулаченных.

Таким образом, общая оценка числа раскулаченных в первой половине 1930 г. равна по СССР 535 тысяч семей.

Осенью 1930 г. раскулачивание возобновилось во многих районах страны.

Ивницкий, правда, косвенно оценивает раскулачивание за этот период, утверждая, что к лету 1930 г. было экспроприровано 320 тыс. семей, а к концу года — 400 тыс. Или 350 тыс. кулацких семей летом 1930 г. и 450 тыс. к концу года.¹⁵ Однако эти величины явно преуменьшены. Только по Украине число раскулаченных изменилось с 93 тыс. до 200 тыс. по одним данным или до 160 тыс. по другой оценке.¹⁶

Следовательно, минимальной оценкой раскулачиваний в 1930 г.

будет 642 тыс., причем более вероятно, что оно составило 700—800 тысяч семей.

Кроме прямого раскулачивания, в 1930 г. активизировалась экспроприация имущества по суду за неуплату налога.

Выселив на север всех так называемых кулаков и часть зажиточных крестьян, правительство при этом по-прежнему хотело получать от них повышенную долю налога.

Если перед раскулачиванием в законе о сельскохозяйственном налоге предлагалось подвергать повышенному обложению не больше 3% населения, то 18 сентября 1930 г. директивой Хлебоцентра предлагается охватывать твердым заданием 4—5% населения каждой области или края, изменяя соотношение в ту и другую сторону, но не превышая 7%. 4% сельских жителей составляет примерно 1 млн. хозяйств. Общее задание 18 млн т. зерна, примерно, указывает на 700—800 тысяч твердосдатчиков.¹⁸ Встречаются однако и заметно меньшие цифры — 350 тыс. кулаков, обложенных твердым налогом осенью 1930 г.¹

На Украине из 200 тысяч плативших повышенный налог, 50 тысяч подверглись репрессиям. Были привлечены к ответственности 13102 чел. на Северном Кавказе, 2585 — в Западной области, в Западной Сибири — 18700 (в том числе — 4 тыс. самоликвидаций), 1131 — в Уральской области, 614 — в Средневолжском крае, 2277 — в Крыму.²⁰ Сопоставление этих данных со сведениями о поступлении хлеба от кулаков и выполнении ими заданий показывает, что в среднем на Украине, в Крыму и Северном Кавказе приходилось на одно конфискованное хозяйство около 3-х тонн недовыполнения хлебозаготовок. Такой же пропорции можно было ожидать и в Казахстане, где недовыполнение было равно примерно 30 тыс. тонн²¹ — 10 тысяч репрессированных. В Нижневолжском крае на 1 октября план заготовок у кулаков был выполнен только на 18%, а к 1 февраля 1931 г. — на 66%. Не хватало до полного выполнения обязательства 47 тыс. тонн. Все эти цифры говорят, что большинство обложенных твердым налогом (10091) кулацких и зажиточных хозяйств были репрессированы,

заготовках 130 тыс. человек. В них однако не вошли огромные территории, где проживало около 35% сельских семей. Кроме того, данные не включают весну 1930 г. и не полностью охватывают осенние репрессии.

Все это позволяет утверждать, что минимальная оценка конфискации, арестов и разорений, связанных с заготовками в 1930 г., составляет 150 тыс. человек. Причем, в эту цифру не входят так называемые самораскулачившиеся, бросившие дома и бежавшие из деревни в город.

Общее число насильственно ликвидированных хозяйств составило в стране к концу 1930 г. 800—950 тысяч.

В 1931 г. раскулачивание продолжалось повсеместно. В Сибири было раскулачено и переселено на север 40 тыс. человек, на Средней Волге раскулачено 16 тысяч (выселено 5), на Северном Кавказе проходили значительные переселения и т. д.²⁶ Известна оценка числа раскулаченных в 1931 г. в 200 тыс. человек. Эта цифра, очевидно, преуменьшена. Только выселения с весны до осени 1931 г. дали 265 795 семей.²⁷

Существует утверждение, что часть выселенных составляли раскулаченные еще в прошлом году. Это, вероятно, так. Но также очевидно, что выселение означало повторное раскулачивание. Семья должна была бросить дом старый, или на новом месте, огород, уже и без того скудные пожитки, у нее отнимали оставшийся скот и инвентарь и как бы скудно ни было крестьянское имущество, его экспроприация была жестоким ударом.

Поэтому цифру 266 тысяч совершенно естественно принять как число раскулаченных.

Сведений о конфискации по суду в 1931 г. немного, хотя поиск обеспеченных, по-прежнему именуемых кулаками, продолжается со все возрастающей силой. В конце декабря 1930 г. правительство предоставляет право местным властям самим определять признаки кулацких хозяйств. Это, конечно, облегчает дело, только на Северном Кавказе было выявлено дополнительно 8 тыс. кулаков. В Западной Сибири твердому обложению было подвергнуто 3.7% крестьян, 9.2% единоличников (примерно, 50 тысяч хо-

ийств), из них было привлечено к ответственности 3145. На Нижней Волге, из 19371 хозяйств, обложенных твердым заданием (2.3%), оштрафовано 6702 и осуждено 4021.²⁸ Эти группы крестьян обеспечили 2.3% заготовок в первом случае, и 1% — во втором. В целом по стране "кулаки" сдали около 2% товарного хлеба. Судя по сведениям Сибири, Нижней Волги, Украины и Западной области, твердым заданием было охвачено не меньше 2—3% сельских жителей — 500—700 тыс. семей. Несомненно, что в конце концов все они были разорены и подвергнуты репрессиям, либо бежали, либо вступили в колхозы.

Документы Смоленского архива показывают, что налогообложение становится в 1931 г. все более жестоким, достигая 6—8% сельских семей. Уже после завершения массовых выселений, в Думиничском районе предполагают осенью 1931 г. получить от кулаков 28% всех заготовок зерна, 35% по частному сектору. Каким бы высоким ни было обложение каждого хозяйства, эти сведения указывают, что в категорию кулаков зачислялось более 10% жителей села.²⁹

Повышенное налогообложение охватывает не только сельских жителей, но и маленькие города, жители которых поставляют по твердой норме картошку, молоко и другие продукты и караются за невыполнение поставок конфискациями имущества наравне с крестьянством.³⁰ Учитывая жестокие трудности, с которыми столкнулись заготовки в 1931 г., можно предположить, что по крайней мере половина обложенных твердым заданием (около 250 тысяч) была наказана тем или иным образом: повышенным штрафом, равносильным разорению, тюрьмой, конфискацией.

Таким образом, репрессии охватили в 1931 г. 516 тыс. сельских семей — 266 раскулаченных силой и 250 тыс. разоренных налогами. За два года было раскулачено 908 тыс. и разорено конфискациями и штрафами 400 тысяч. Правда, общее число пострадавших семей несколько меньше суммарной цифры 1300 тысяч, так как вероятны повторные наказания, в частности, хозяйств, реабилитированных летом 1930 г.

Согласно упоминавшемуся выше обследованию колхозов, число раскулаченных составляло летом 1931 г. около 5% или 1200 тыс. семей для всей страны.³¹ Это больше, чем получено нами на конец 1931 г. — 908 тысяч, и даже выше, чем сумма раскулаченных и тех, у кого имущество было конфисковано по суду 1058 тыс. (без конфискаций 1931 г.).

С другой стороны, распространенная оценка 568,3 тыс. хозяйств в 1930—31 гг. заметно меньше полученной цифры.³² Скорее всего этот результат относится лишь к части рассматриваемой территории и не охватывает весь период, как и приводимые теми же авторами данные о депортациях кулаков.

В 1931 и в последующие годы раскулачивание распространяется на национальные окраины. Здесь так же отсутствуют достаточно полные сведения. Можно указать однако на 40 тыс. хозяйств в Узбекистане (по некоторым сведениям это только высланные). В Казахстане было раскулачено 40 тысяч кочевых байских хозяйств и около 15—20 тысяч самоликвидировались.³³ Несколько десятков тысяч семей были, вероятно, раскулачены в Закавказье и районах северо-востока, однако надежных данных нет.

Ивницкий пишет, что в конце 1931 г. в стране было 150 тыс.³⁴ кулацких хозяйств, и можно не сомневаться, что все они вскоре исчезли.

Наконец, следует указать депортации с Северного Кавказа 1932 г., захватившие несколько крупных станиц: Медведицкую, Полтавскую, Уманскую, Урупинскую и др. Всего на черную доску на Кубани было занесено 15 станиц.³⁵ Ориентировочно число высланных из них составило 10—20 тыс. семей.

Подведем итоги репрессий в годы коллективизации против сельского населения.

В 1928—29 гг. судебным преследованиям и конфискациям имущества подверглось 180 тыс. хозяйств.

В 1930 г. было раскулачено 642 тыс. семей и разорено налогом и обложением и подвергнуто репрессиям около 150 тыс. семей.

В 1931 г. раскулачено 266 тыс. хозяйств и репрессировано с помощью конфискаций и штрафов еще около 250 тысяч.

В 1932 г. раскулачено и депортировано около 100 тысяч семей и конфискациям подверглись примерно 50 тыс. хозяйств.

Всего насильственными мерами было ликвидировано за этот период около миллиона хозяйств и экономической экспроприацией — 630 тысяч. Предположим, что повторно репрессированные составили среди них четвертую часть. В этом случае можно говорить о ликвидации 1250 тыс. семей, то есть 5% сельских жителей,

что представлялось в свое время организаторам коллективизации допустимым верхним пределом.

В эту оценку практически не входят самоликвидировавшиеся хозяйства — все бросившие и бежавшие в город. Их число, оцениваемое по избыткам колхозной земли, составляет примерно 10% сельского населения (то есть еще 1.3 млн. хозяйств).

Число высланных

Рассмотрим имеющиеся сведения о депортациях. Наиболее распространенные цифры для всего СССР — 77975 тыс. семей весной 1930 г. и 162962 тыс. семей зимой и весной 1931 г. (с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября).³⁶ Сумма этих двух цифр с временным интервалом 1930—32 гг. вошла в учебник Истории СССР и тем самым стало неоспоримой формулой, цитируемой в каждой статье.³⁷ Вероятно, эти цифры восходят к транспортной статистике ОГПУ, по крайней мере, Вылцан, Ивницкий, Поляков, впервые введшие их в оборот, не сопровождали их ссылкой на архивы, в отличие от всех других сообщаемых ими сведений. Неполнота этих оценок очевидна, хотя в первое время не сообщалось, что они охватывают только половину рассматриваемого периода. Также неясно, какие территории страны стоят за этими данными и какие группы населения были в них включены.

В 1969 г. появились, также без ссылки на источник, две другие цифры, приведенные в работе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, — 115231 тыс. человек, высланных к октябрю 1930 г. и 265795 тыс. семей — с весны до осени 1931 г.³⁸

Суммируя данные по ЦЧО (23.6 тыс.), Северному Кавказу (18.8 тыс.), Западной Сибири (24.3 тыс.), Средней Волге (15 тыс.), Нижней Волге (5.6 тыс.), Украине (60 тыс.).³⁹ получаем 147.3 тысячи человек.

Эти цифры относятся главным образом к весне 1930 г. и во многих случаях неполны (Северный Кавказ, Нижняя Волга, Сибирь). Возможно также некоторое преувеличение для Средней Волги, где могли не успеть реализовать свое намерение, хотя по другим сведениям численность переселяемых (1 и 2 категории) была там намного выше — 26 тыс. человек.⁴⁰ Депортации с Украины также, вероятно, не все были осуществлены в 1930 г., хотя общее число высланных могло быть больше.

Представляется однако, что некоторые возникшие преувеличения с лихвой перекрываются депортациями из других районов страны.

Так, в этих данных не учтен Урал, где 1 и 2 категории составляли 20 тысяч и, судя по описываемым мероприятиям, выселение их энергично проводилось. В Восточной Сибири было переселено 6869 человек, из Центрально-промышленного района намеревались выселить 20—24 тысячи, правда весной 1930 г. из-за транспортных заторов это переселение было приостановлено ЦК, но, вероятно, его отчасти удалось реализовать осенью, и т. д.⁴¹

Суммируя эти сведения, получаем оценку числа высланных больше 200 тысяч. Однако опасаясь завышения отдельных значений, остановимся на первой цифре — 147 тысяч семей, больше данных, приводимых и Ивницким, и Абрамовым, хотя она также охватывает только часть временного интервала и часть территории.

Вопрос о том, насколько эти цифры соответствуют действительности, можно решить только путем сопоставления с данными других источников. Однако в настоящее время это невозможно из-за отсутствия необходимых документов. Поэтому можно только сказать, что приведенные цифры являются лишь оценкой, основанной на доступных на сегодняшний день материалах.

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1930 г. в СССР было выселено около 147 тысяч семей, что составляет значительную часть от общего числа переселенцев того периода. Это свидетельствует о масштабах государственной политики по переселению населения в то время.

Вопрос о том, насколько эти цифры соответствуют действительности, можно решить только путем сопоставления с данными других источников.

О выселениях 1931 г. приводится значительно меньше сведений, чем для 1930 г. Сибирь — 40 тыс., Средняя Волга — около 3—5 тыс., Нижняя Волга — 3—4 тыс., Узбекистан — 6.9 тыс. (по другим данным — 40 тыс.), Казахстан — 5.5 тыс.⁴² Однако именно в этот период происходит основная масса выселений из районов второй очереди коллективизации. Фейнсод приводит докладную записку о настроениях населения в связи с выселением кулачества, посланную начальнику ОГПУ Смоленска из города Рославля. Из записки следует, что на сборных пунктах горотделения на 26 марта 1931 г. имелось 437 семей (2202 человек). Они были рассредоточены в четырех железнодорожных пунктах: Рославль (172 семьи, 811 человек), Стодолищенский (68 — 369), Дубровский (78 — 480), Починковский (118 — 562). Из арестованных на Рославльское городское отделение приходилось 375 семей — 1917 человек, а 62 семьи — 285 человек были доставлены из Монастырщинского района на Починковский сборный пункт.⁴⁵ Средняя численность населения одного района в Западной области составляла 50—75 тысяч, то есть 10—15 тысяч сельских семей.

Таким образом, для Монастырщинского района речь идет о выселении примерно 0.5% хозяйств. Примерно столько же падает на Починковский, Дубровский, Стодолищенский районы. Но, конечно, нельзя исключить, что речь идет всего лишь об одной из партий выселяемых с этой территории.

В 1931 г. выселение активно продолжалось и в районах сплошной коллективизации. В этот период судьба кулаков была решена окончательно. Местные организации обращались с просьбами об их переселении, так как, не имея права принимать кулаков в колхоз, они в то же время не хотели брать на себя громоздкую работу по их расселению и трудоустройству. 11 марта ЦК создает постоянную комиссию во главе с А. А. Андреевым, в которую входит и П. П. Постышев, и комиссия организует массовые

переселения. Только за 5 месяцев, с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября 1931 г., было переселено 162962 кулацкие семьи.⁴⁶ Эта цифра многими советскими авторами рассматривается как исчерпывающая за 1931 г. Более полную оценку за 1931 г. содержит, очевидно, цифра 265795 семей.⁴⁷

Таким образом, оценка 265795 может быть принята с довольно серьезным основанием, тем более, что, как было показано выше, для 1930 г. те же авторы не преувеличивали, а несколько преуменьшили численность высылаемых. Всего за два года было депортировано 413 тыс. семей.

Следует также учесть высланных в 1929 г. из пограничных районов и Северного Кавказа, а также в связи с неуспешной сельхозналогом и конфискацией по суду. Ивницкий оценивает их число в 30—40 тысяч, округляя тем самым рассчитанную им цифру за 1930—33 гг. — 260—270 тыс. до 300 тысяч.⁴⁸ Возможно, что подтверждением этих данных служит расхождение между числом высланных, находившихся в Северном крае в феврале 1930 г., — 70 тыс. семей (по сведениям областного архива)⁴⁹ и численностью переселенцев — 46 тыс. семей. Следовательно, не менее 25 тыс. семей было в крае уже до начала массовых переселений. Учитывая, что Северный край был не единственным, хотя и главным, местом высылки до 1930 г., примем эту оценку.

Для 1932—33 гг. Ивницкий вносит поправку на 20—30 тысяч семей.⁵⁰ Это примерно равно депортации с Северного Кавказа и южных районов страны осенью 1932 г.

Из отдельных примеров в литературе видно, что в действительности выселения и аресты продолжались энергично и повсеместно в 1932—33 гг. Яр Славутич пишет, как в мае 1932 г. оцепили хутор Благодатное Долинского района Херсонского округа и вывезли все 7 семей на север (автор убежал по дороге).⁵¹

Кроме того, репрессии носили характер поиска вредителей, лодырей, саботажников и т. д. Например, только по данным политотделов 50 МТС Московской области, ими в 1933 г. было депортировано из области 7156 враждебных антиколхозных элементов. По отчету политсектора Ленинградской области в 3562 колхозах было выявлено 6477 классово-враждебных антиколхоз-

ных элементов, в их числе 4011 руководящих и обслуживающих работников. В колхозах 41 МТС Горьковского края было выявлено 2658 бывших кулаков и полицейских и 3134 расхитителя колхозного добра и т. д.

Если роль политотделов сводилась к тому, чтобы в каждом колхозе, хотя бы для примера, выявить одного кулака или расхитителя, то одно это должно было дать не десятки, а сотни тысяч арестов и депортаций. Так что оценка Ивницкого является преуменьшенной.

Известно также, что в этот период развернулись депортации в Средней Азии и Закавказье. Только из Узбекистана было выселено 40 тыс. семей, 3,5 тысяч из них были завезены на Украину в надежде внедрить хлопководство, часть — на Северный Кавказ. Направление других переселений баев и декхан неизвестно, хотя автор работы пишет, что "основная масса кулаков Узбекистана была переселена в другие районы Советского Союза".⁵² Из осторожности, однако, примем лишь цифру 3,5 тыс. семей на Украине и будем считать, что большинство кулаков Средней Азии, Казахстана и Кавказа остались внутри этих районов. Эти несколько десятков тысяч переселенных семей не войдут в нашу оценку.

Конец массовых депортаций наступил в мае 1933 г., когда Сталин и Молотов направили всем партийным и советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры специальную инструкцию, в которой отмечают, что требования о массовом выселении, поступающие из областей не обоснованы. Они пишут, что в ЦК накопились заявки на выселение около ста тысяч семей, однако разрешают выселить лишь 12 тыс. хозяйств: Украина — 2000, Северный Кавказ, Нижняя Волга, Средняя Волга, ЦЧО, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь — по тысяче из каждого района, Горьковский кр., Белоруссия, Западная область, Башкирия, Закавказье, Средняя Азия — по 500 хозяйств.⁵³

Очевидно, что эти лимиты были использованы. Вместе с выселенными из Средней Азии и примерно 10000 депортированных семей из северокавказских станиц минимальная оценка переселений 1932—33 гг. может быть принята 25 тыс. хозяйств.

Таким образом, общие результаты переселений во время коллективизации выглядят следующим образом: 1929 г. — 25 тыс.; 1930 г. — 147 тыс.; 1931 г. — 266 тыс.; 1932 и 1933 гг. — 25 тыс. Всего 463 тыс. семей. Возможный недоучет составляет около 100 тысяч, а преувеличение (хотя и не слишком вероятное) —

100—150 тысяч (ориентируясь на оценку 300 тысяч семей).⁵⁴

Вернемся теперь к судьбе переселяемых кулаков.

В середине февраля первые эшелоны тронулись с Северного Кавказа, затем со Средней Волги и вскоре к ним присоединились потоки с Украины, Центрально-Черноземной области, Крыма. Главными пунктами назначения были Северный край и Северный Урал.⁵⁶ Уже в конце февраля первые поезда прибывают в Вологду, Архангельск, Котлас.

Ссылаясь на информацию охраны и списки на дровяном складе, Кривобок пишет, что только в Вологде скопилось зимой 1930 г. 262500 человек.⁵⁷ Оценка эта, очевидно, преувеличена, что следует из самих источников информации. Церкви и школы Вологды, города с населением около 60 тыс. человек не могли вместить такого количества вновь прибывших.

Вопрос о возвращении высланных детей рассмотрен. Выводы: в большинстве случаев дети, высланные в 1930 г., были из крестьян, а не из рабочих. В большинстве случаев дети были высланы в 1930 г. в возрасте 10-15 лет. В большинстве случаев дети были высланы в 1930 г. в возрасте 10-15 лет. В большинстве случаев дети были высланы в 1930 г. в возрасте 10-15 лет.

Вопрос о возвращении высланных детей рассмотрен. Выводы: в большинстве случаев дети, высланные в 1930 г., были из крестьян, а не из рабочих. В большинстве случаев дети были высланы в 1930 г. в возрасте 10-15 лет. В большинстве случаев дети были высланы в 1930 г. в возрасте 10-15 лет. В большинстве случаев дети были высланы в 1930 г. в возрасте 10-15 лет.

В апреле 1930 г. создается комиссия под председательством секретаря обкома Северной области Бергавинова для пересмотра дел высланных.

По мнению Кривобока, инициаторами создания комиссии были рабочие Вологды, которые, убедившись, что масса раскулаченных состоит из обыкновенных крестьян, начали писать в Москву письма и даже направили специальную делегацию. В результате было разрешено отправить детей до 14 лет домой, а из рабочих, при участии ОГПУ, были созданы районные комиссии по рассмотрению жалоб высланных. Всего было рассмотрено 35 тысяч заявлений.⁶⁰

Вопрос о возвращении высланных детей рассмотрен. Выводы: в большинстве случаев дети, высланные в 1930 г., были из крестьян, а не из рабочих. В большинстве случаев дети были высланы в 1930 г. в возрасте 10-15 лет. В большинстве случаев дети были высланы в 1930 г. в возрасте 10-15 лет.

В результате работы комиссии высланные были разделены на три категории: отправка обратно, работа в Вологде и окрестностях, работа на лесоразработках.

По данным проверки окружных комиссий число неправильно высланных составило 10%. Центральная комиссия уменьшила его

до 6%, указав, что окружные комиссии учитывали только социальные признаки, между тем как из пограничных районов Украины и Белоруссии высылали политически ненадежных.

Результаты работы комиссии свелись, таким образом, к реабилитации 2800 семей.

Интересны две другие цифры: 10 процентов раскулаченных не подходили даже по стандартным признакам, и вторая — 75 процентов сами не считали себя кулаками (вероятней всего по экономическому положению хозяйства и использованию чужого труда).

Весной началось распределение высланных по районам. Одну из групп вологодских заключенных на старых баржах (одна из них затонула) повезли по Сухоне до Тотмы, где набралось почти 15 тыс. человек. Другие оказались около Котласа. Третьи плыли от Перьми по Каме и Вишере, также пробираясь на север.⁶⁴ Север Европейской части страны покрывается сотнями, если не тысячами новых поселков.

В этот период правительство, наконец, всерьез задумывается, что же делать с массой высланных. Создается специальная комиссия, которая принимает решения о снабжении и трудоустройстве кулаков, одновременно по просьбе партийного руководства северных областей поток приостанавливается.

Деятельность комиссии позволяет нам составить некоторое представление о численности высланных. Так, комиссия приказала Наркомзему удовлетворить заявки на инвентарь: 18400 борон,

столько же плугов, 14 тыс. серпов, 145 тыс. кос, 87.5 тыс. вил.

Нормы распределения инвентаря на высланную семью, занятую сельским хозяйством, были такие: 0.1 бороны, две косы, два серпа и т. д. Мы видим, что предполагалось снабдить около 72 тысяч семей. Цифра эта велика, если учесть, что большинство высланных было занято не сельскохозяйственной деятельностью, а работой на лесозаготовках.⁶⁵

Относительно снабжения сосланных продовольствием, Ивницкий сообщает, что в апреле 1930 г. Северный край получил для этих целей 18 вагонов сахара и 120 тонн чая и чайного напитка, Урал соответственно — 13 вагонов и 59 тонн, Сибирь — 3 вагона и 31 тонну.⁶⁶

Чай был импортным напитком. В 1928 г. его производство в стране составило 1.06 тыс. тонн, а закупки в 1930 г. — 24.2 тыс. тонн.⁶⁷ На одного жителя приходилось, таким образом, 158 граммов чая в год или 0.4 грамма в день. Следовательно, по обычным нормам потребления кулакам было завезено чая на 775 млн. дней. Для 4 млн. человек на полгода, или для 2 млн. — на год. Этот условный расчет показывает, что речь уже идет о числе, измеряемом миллионами.

Обращает на себя внимание пропорция между тремя основными районами депортации: немного больше половины — Северный край, а Урал в два раза больше Сибири. Это, очевидно, отражало распределение сосланных на первом этапе. Об этом пишет и Ивницкий: "Поэтому Северный край получил продовольствия в общем больше, чем Урал и Сибирь, так как в 1930 г. он являлся самым крупным районом новых поселений".⁶⁸ В Северном крае весной было около 70 тыс. семей (по данным Архангельского обкома на февраль 1930 г.).

Примерно такую же цифру получаем по данным о численности учителей.⁶⁹ Для спецпереселенцев края требовалось 352 учителя, принимая по 40 детей на одного преподавателя (норма для переселенцев Урала в 1931 г., мало отличающаяся от обычных школ страны) и посещаемости 0.90%, получаем число детей школьного возраста — 15.5 тысяч. Речь несомненно идет главным образом о начальной школе. В селах Украины в 1930 г. приходилось по 38 учеников начальной школы на 100 семей.⁷⁰ По этой пропорции в Северном крае находилось около 60 тыс. семей. Если учесть, что много детей умерло или было отослано на родину, то количество семей будет заметно выше.

Пропорция снабжения районов Севера, Сибири и Урала сахаром и чаем позволяет оценить число высланных на Урал и в Сибирь в 60 тыс. семей, а всего — 130 тыс. семей.

В эти данные не входят высланные в Казахстан, Мурманск (в Ленинградскую область), переселения на Северном Кавказе, где только в Дивенском районе в 1930 г. было размещено 9.5 тысяч кулацких хозяйств, и депортации осени 1930 г.⁷¹

Известно также, что летом 1930 г. для переселенцев было выделено 290 тыс. ц. муки, 27.3 тыс. ц. крупы, 7.3 тыс. ц. сахара, 2.5 тыс. ц. растительного масла, 72.4 тыс. ц. рыбы и 81.6 тыс. ц. овса.⁷²

Принимая среднюю дневную норму на человека 320 граммов муки и крупы (400 г. хлеба) и 70 г. рыбы, получаем, что завезенные продукты составляли около 100 млн. дневных норм. На какой срок делались запасы? От видимых хлебных запасов на складах страны в летнее время, приведенная цифра составляла 1.5%, а от запасов потребляющей полосы — почти 10%.⁷³ Совершенно исключено, чтобы в условиях постоянных нехваток и очередей, такая огромная доля запасов замораживалась на длительный срок, особенно летом, то есть до основных заготовок из нового урожая. В этом случае можно говорить о снабжении примерно миллиона человек в течение 3 месяцев, то есть до нового урожая (230 тыс. семей). Это больше, чем найденная выше оценка числа сосланных.

В связи с этим весной 1931 г. было принято решение о передаче 10 тыс. кулацких семей в распоряжение Цветметзолота, а 8 тыс. — для освоения угольных районов Печоры.

Или такая мелкохозяйственная подробность:

”В Усть-Цилемском районе Коми автономной области в распоряжение Кустпромсоюза были направлены 10 кулацких семей для развития производства шифера, а 200 семей — для разработки точильного камня”.

Рассмотрим кратко известные данные о численности и расселении кулаков в 1931 и в последующие годы.

Самая большая колония кулаков оказывается в 1932 г. на Урале. 130 тыс. семей, 500 тыс. человек, в том числе 220 тысяч занятых (85% всех трудоспособных) и 56 тыс. детей (им требовалось 1319 учителей).⁷⁵

В Нарымский край Сибири было завезено 47 тыс. семей (196 тыс. человек), в конце 1931 г. там насчитывалось 40 тыс. семей. В южных районах Сибири оказалось 26 тыс. семей, занятых главным образом в тяжелой промышленности.⁷⁶ Сведения о численности высланных в Сибирь (66 тыс. семей) немного расходятся с данными, приводимыми со ссылкой на архив Новосибирского обкома — 62 тыс. семей на конец 1931 г. Возможно, это указывает на продолжающееся сокращение числа семей или является погрешностью подсчетов.

В Восточно-Сибирском крае "труд переселенцев использовался в основном в горно-рудной и лесной промышленности (трест Востоксиблес), а небольшой их части (около 3 тыс. семей) — в сельском хозяйстве". Трудно, конечно, понять, что такое большая часть, если небольшая составляет три тысячи?

Всего в Сибири нужды высланных кулаков обслуживали 266 школ, где работало 466 учителей (при потребности 710 в 1931—32 гг.).⁷⁷ Это указывает, очевидно, на наличие 28 тыс. школьников и 31 тыс. (при 90% охвате обучением) детей школьного возраста.

В Казахстане было 45 тыс. семей сосланных кулаков — 190 тыс. человек, в том числе в Южном Казахстане — 10 тыс. семей, то есть 42 тыс. человек.

На Северном Кавказе в 1931 г. насчитывается 14 тыс. семей сосланных, часть из них — таджики и туркмены. На Украине — 3.5 тыс. семей, в основном узбеки. На Дальнем Востоке — 10 тыс. семей, в Нижегородском крае — 1.5 тыс., в Ленинградской области — 8 тыс., на Средней Волге — 2.5 тыс., в Средней Азии — 2 тыс. семей.

Суммируя все эти сведения, получаем, что в местах ссылки насчитывалось в 1930—31 гг. не меньше 370 тыс. семей. Для 222 тыс. семей известна их численность — 886 тыс. человек, то есть в среднем по 4 человека на семью. Принимая эту же пропорцию для всех остальных семей, получаем оценку числа сосланных в 1477 тысяч, хотя к концу 1931 г. их, видимо, было уже несколько меньше.

Ивницкий приводит данные, которые позволяют оценить численность и занятия сосланных в начале 1935 года: в промышленности работало, вместе с членами семей, 640 тыс. человек, в неуставных сельскохозяйственных артелях состояло 445 тысяч.⁷⁸ Можно предположить, что артели охватывали почти все сельское население. Членами артели могли быть с 16 лет. Мы видели, что школьники составляли примерно 11% всех жителей. Дети дошкольного возраста в стране по административному учету 1931 г. составляли в СССР 20%. Учитывая повышенные потери детей у кулаков и снижение рождаемости среди них, примем долю детей до школы в 14%, то есть будем считать, что артелями не было охвачено 25% сосланных из числа занятых в сельском хозяйстве. Таким образом, все сельское население выселенных кулаков составит 853 тысячи. Это, вероятно, несколько преуменьшенная

цифра, так как среди кулаков могли оставаться единоличники, а также не все старики автоматически записывались в артели.

Эта оценка довольно близка к численности спецпереселенцев по данным государственного снабжения продовольственными хлебами. В 1931/32 г. им было отпущено 132.7 тыс. тонн зерна, что указывает примерно на численность около 900 тыс. человек.⁷⁹ Кулаки, работавшие в промышленности, снабжались соответственно из фондов цветметзолота, лесозаготовок, Дальнего Севера и т. п., поэтому можно считать, что 900 тысяч составляли в основном занятые в сельском хозяйстве.

Общая оценка численности сосланных составила, таким образом, на начало 1935 г. 1490 тыс., то есть почти полтора миллиона. Вероятно, в 1931–34 гг. убыль населения несколько превышала естественный прирост среди кулаков (как, впрочем, и в целом по стране), но небольшой рост обеспечен дополнительными депортациями с Северного Кавказа, возможно, из Средней Азии и Закавказья, а также отовсюду понемножку. Численность одной семьи должна была сократиться, а число семей немного увеличиться, примерно до 380–400 тысяч. Впрочем, следует иметь в виду, что оценка численности в 1931 г. неполна, так что возможно в действительности происходило сокращение числа депортированных, неулавливаемое имеющимися сведениями.

В 1941 г. ссыльные кулаки насчитывали 930 тыс. человек 220 тыс. семей.⁸⁰ Некоторый рост численности одной семьи объясняется убылью одиночек и ростом рождаемости после запрета абортов в 1936 г. Убыль общего числа сосланных связана с переменами места жительства, ставшими возможными после 1936 г.

Таким образом, по сведениям о депортациях в 1930—31 гг. было выселено около 413 тыс. семей. По неполным данным о прибытии в местах ссылки в то же время находилось 370 тыс. семей. Расхождение цифр связано с потерями от репрессий, неполнотой учета, потерями по дороге и погрешностями статистики. Средняя численность семьи снизилась примерно на 1.5 человека, что говорит о потерях около 600 тысяч. Сюда входит прежде всего убыль около 100 тыс. мужчин в результате профилактических арестов и потеря примерно такого же количества в процессе сопротивления и арестов 1930—32 гг. Кроме того, огромные потери понесли старики и дети во время переезда и в первые месяцы пребывания на новом месте. Не исключено, что пониженные значения численности родившихся в 1929—33 гг. среди женщин Архангельской области, живущих в сельской местности, по материалам переписи 1959 г. связаны с потерями раскулаченных в это время. Часть потерь объясняется бегством по дороге и из ссылки отдельных членов семьи.

Однако достаточно определенно можно утверждать, что собственно гибель во время раскулачивания и высылки составила несколько сотен тысяч человек.

Особенно велики были потери в самом начале депортаций — зимой 1930 г. В частности, на это указывает малочисленность семей, сосланных в Коми АССР в 1931 г. Так, Ивницкий приводит данные по двум поселкам, из которых в первом приходилось 3 человека, а во втором — 3.3 человека на семью. Потеря одного человека на семью указывает на повышенную убыль в Северном крае примерно 70 тыс. человек.

3. Все потенциальные противники советской власти в деревне ликвидируются. От политики экономического уничтожения класса кулаков, начавшейся на предыдущем этапе, государство переходит к уничтожению кулака, как личности, экспроприируя его имущество и высылая на север и восток. В 1929—32 гг. было разорено около 1 млн. семей (0.9—1.2 млн.), насчитывавших перед раскулачиванием не меньше 5—6 млн. человек. Около 250 тысяч уничтоженных хозяйств приходится на Украину (1.2—1.5 млн. человек). Число высланных в отдаленные районы составило по всей стране около 460 тыс. семей (2—2.5 млн. человек), из них — 60—100 тыс. семей с Украины. Несколько сотен тысяч человек погибли при арестах и по дороге. Лишено земли было 1.7 млн. хозяйств (10 млн. человек), загнано в колхозы 60% сельских жителей и обложены повышенными налогами все. Миллионы крестьян бежали в города и другие районы страны. Имущество, отнятое у кулаков, поступило в распоряжение колхозов и государства. Оно стало основой новых коллективных хозяйств.